

Игра в рябину

«Сибирь рябиной на языке катается – не раскуси!
Желание загадай, в реку выплюни – так принято на Руси».

Бабушка часто рассказывала про разные поверья и ритуалы. Меня привозили к ней рано утром и оставляли на весь день. Как только папа открывал большую деревянную дверь и выходил из дома, бабушка отключала маленький черно-белый телевизор и придумывала что-нибудь новенькое. Большую часть бабушкиных рассказов помню до сих пор.

— Баб, Дусь, а почему ты ягоду не собираешь? — показала я на согнувшуюся от тяжести красных ягод ветку.

Большое дерево под окном захватило всё моё внимание. Маленькие красные ягоды манили яркостью и почти касались оконных ставней.

— Это, Зинушка, для птичек. Они прилетят осенью и будут есть, — объясняла бабуля.

Она всегда говорила «исть» вместо есть. Поначалу я думала, что бабушка не выговаривает некоторые буквы (например, мне тяжело давалась «р»), но потом я услышала, как она говорит ель, ермолка, едрить-колотить. Всё у неё хорошо с буквой «е». Видимо, она сама придумала особенное слово.

— Я тоже хочу исть, — передразнила я бабушку, а та сделала вид, что не поняла.

— Рябинушка созревает в ноябре, — продолжила бабушка. — После первых заморозков набирается целебной силы и меняет вкус. Пойдём, мы сейчас сделаем кое-чегось.

Мне всегда нравилось делать «кое-чегось». Это волшебное слово: если бабушка его сказала, значит, будет очень интересно. В прошлый раз после такого же обещания на старенький стол лёг мешочек с бочонками. Бабушка пообещала, что мы сейчас будем «кричать». И не обманула: мы по очереди доставали из мешочка деревянные бочонки и выкрикивали цифры.

После некоторых бочонков звучали присказки: «гуси-лебеди», «топорики», «дед». Я не понимала, как бабушка определяет, кто из них кто.

— Сорок пять! — гордо озвучивала я.

— Баба ягодка опять, — хлопала в ладоши бабушка, даже если бочонок не занимал место на карточке.

Мы играли в лото весь день.

Я с нетерпением ждала «кое-чего», и на этот раз тоже не ошиблась.

Мы вышли в сад. Точнее, я кошкой соскочила с высоких ступеней крыльца, а бабушка оперлась на бадог и пошкандыбала ко мне. Эти слова я тоже выучила, благодаря её рассказам.

За огородом тихонько шуршала речка. Папа привозил меня в гости к бабуле и строго-настрого запрещал туда ходить.

— Укредут и утащат, — коротко объяснял он.

— Утащут, утащут, — поддакивала бабушка на свой лад, соглашаясь.

Как только папа оставлял меня с бабулей на едине, она мне со всей серьёзностью говорила:

— Не утащут, но и делать там неча.

В тот день она так не считала.

— Срывай одну ягодку и пошкандыбали на речку, — распорядилась бабушка.

— Почему одну? Давай больше? — предложила я.

Слишком уж мне хотелось дотянуться до этой ранее невиданной ягоды и съесть её прямо под деревом.

— Зинка, не жадничай, одну! — предупредила бабушка. — И батьке сказывать не смей.

Я засмеялась и допрыгнула до ветки, две мои косички по бокам тоже подпрыгнули, но с опозданием. Бабушка наблюдала со всей серьёзностью, поправляя цветастый платок. Мне она тоже такой подарила, но я его запрятала подальше и призналась маме, что ни в жизни его не надену. Вычурные розы и желтоватая ткань совсем мне не нравились.

Схватившись за ветку рукой, я потянула её на себя. Несколько ягод предательски качнулись и осыпались на землю.

— Что упало, то не трожь, — предупредила бабуля. — Айда свою бери, да подём.

— Правильно говорить «пойдём», — поправила я баб Дусю, но та никак не отреагировала.

К речке мы спускались долго. Бабушка, сторбившись опиралась на бадог и тяжело дышала. Изредка она заправляла выбившиеся седые пряди обратно под платок. Баб Дуся всегда носила длинные смешные платья, больше похожие на ночнушки. Наверное, так удобнее. Конкретно эта, с маленькими ромашками, мне всегда очень нравилась.

Длинная челка постоянно лезла мне в глаза, но я не могла её поправить. Маленькая ягодка, как ни странно, занимала обе мои руки. Я спрятала её в одну ладонь и прикрыла второй. Выпрямила руки и несла как самое большое сокровище. Скоро мне это надоело. Мне показалось, что в кармане моих джинсов ей будет намного удобнее, но засомневалась. От бабушки моё смятение не укрылось.

— Положи в рот, — сказала она. — И загадай желание. Только не проглоти и не дай бох не раскуси, иначе не сбудется.

Слово «бох» бабушка всегда говорила с придыханием и сразу же трижды крестилась. Я за ней не повторяла, но она и не настаивала.

Не помню, что я тогда загадала, но точно что-то очень важное для ребенка пяти лет. Мы медленно спускались к речке, а высокая зеленая трава сильно щекоталась. Возле срубленного дерева моё предплечье защипало.

— Ффф! — не выдержала я жгучей боли, но ягоду не проглотила.

— Отцвела крапивушка, теперь больно жалица, — пояснила бабушка, но жалеть меня не стала.

Поэтому я решила не плакать. Ещё по пути я зацепилась за репей и убила трех комаров. Мне не нравились их укусы, но нравилось считать всех, кого успевала прихлопнуть.

Про ягоду не забывала ни на минуту. Мне не терпелось почувствовать её вкус, но бабушкин наказ меня постоянно останавливал. Тогда я решила придумать правила своей игры. Я часто так делала, чтобы помочь маме или слушать, как папа рассказывает про свою скучную рыбалку. Правила такие: не дослушаю — папа упадет в бабушкин колодец и поранится. Если не помою за собой посуду — мама заболеет. С ягодой ситуация обстояла куда сложнее. Требовалось придумать по-настоящему серьезную проблему. Поэтому я загадала: «Раскушу ягоду — бабушка умрет».

Сама же вздрогнула от своей мысли, но менять правила нельзя. Так мы шли до самого берега реки: бабушка, останавливаясь через каждые два-три шага, и я угрюмо плелась с бабушкиной жизнью во рту.

— Зинка, чегось молчишь? Али желанье бережешь? — успевала подсмеиваться бабуля.

Мы подошли к каменистому берегу, и я отогнала от себя большую муху.

— Украсть хочет, держи крепче, — подбадривала меня бабуля. — А теперь ещё раз вспомни, чегось загадала и плюй в речку.

Прозрачная чистая вода текла себе и не замечала нас с бабушкой. На том берегу куковала кукушка. Баб Дуся прислушалась, и сразу повисло молчание.

Я подумала, что можно кинуть камень, чтобы привлечь внимание речки, но не стала. Папа в таких случаях называл меня разбойницей и смеялся. Его с нами не было, поэтому задумка отпала сама собой.

Ещё мне захотелось задать бабушке целую гору вопросов: как далеко плевать, по течению или против, насколько быстро это нужно сделать, но я не смела открыть рот. Оставалось вспомнить, чего я такого загадала, что всю дорогу несла во рту и молчала. Вспомнить так и не смогла, решила сделать умный вид, мол, сама всё знаю. Плюнула в реку и почувствовала, как на губах растекался кислый терпкий сок. Раскусила ягоду.

И так мне обидно стало, что слёзы полились сами собой.

— Внученька, ну, не плачь, не плачь. У меня этой окаянной рябинушки ещё цельный сад! — старалась успокоить меня бабуля.

В этот раз я не стала её поправлять. Пусть говорит своими закадычными словами. Да и рассказать, что она теперь умрёт, язык не поворачивался. Мы молча зашли в дом, бабушка затопила печку и поставила на неё чайник. Вечером приехал папа.

— Чего глазища красные? Ревела, что ль? — спросил он и посмотрел на бабушку.

— Спать девонька хочет, спать. Вы поезжайте, а мне исть надо, — махнула бабушка на дверь, оторвала кусочек свежего хлеба и бросила в тарелку.

Сколько помню, она никогда не пользовалась ножом. Вот так отрывала «мякушку», бросала в тарелку, заливала молоком и ела большой деревянной ложкой.

— Если не будешь следить за зубами, тоже будешь так есть, — пояснил папа, когда мы вышли в сенцы.

Дома я не решилась рассказать родителям, что бабушка из-за меня умрет. Мне не хотелось быть виноватой и стоять в углу. Тем более я не специально проиграла рябине.

Мама весь вечер ходила и спрашивала, что у меня случилось. Она даже достала из верхнего шкафа мои любимые конфеты, но я отказалась. Ближе к ночи, конечно, пожалела об этом, но решила, что это — моё наказание.

Игра в рябину быстро забылась. Наступил сентябрь и меня снова утром отводили в садик, а вечером забирали домой. К бабушке мы ездить перестали.

— Баб Дуся болеет, — объяснял папа, и мне этого хватало.

В соседний дом переехала семья с детьми моего возраста. Мы до ночи играли то у них во дворе, то у нас. Мне казалось, что бабушка скоро поправится, и мы снова будем к ней приезжать как раньше.

Время шло. Иногда я просыпалась рано утром с горьким привкусом на губах и не понимала, что происходит. Мне казалось, что я тоже заболела, но до февраля никому об этом не говорила.

— Заходи домой, — крикнул папа, когда мы играли с соседскими детьми в палисаднике.

— Ну, пап! — я постаралась надавить на жалость. — Мне совсем-совсем не холодно!

— Маму позвать? — папа сразу применил своё супер-оружие.

Пришлось заходить.

— Баб Дуся умерла, — сообщил он, как только я зашла домой.

Мне хотелось плакать, но слёзы застыли ледышками и царапали глаза изнутри. Я облизала губы и почувствовала давно забытый вкус. Терпко-кислый, вяжущий.

— Пап, прости, это я виновата, — наконец созналась я и разрыдалась.

«Сибирь рябиной на языке катается – не раскуси!

Желание загадай, в реку выплюни – так принято на Руси.

Мне бабушка говорила, хочешь-не хочешь — верь.

Теперь глухая крапива её подпирает дверь».

Единственное, что я смогла написать спустя двадцать лет. Папа продал бабушкин дом почти сразу после её смерти. Туда заехали новые хозяева. Совсем недавно мы проезжали мимо и увидели, что они срубили дерево под окном. Папа долго причитал, мол, как так можно, его же еще дед посадил.

Я никому не сказала, но мне стало немного легче. Дома я перерыла все шкафы в поисках цветастого платка, но так ничего и не нашла.

До сих пор ночами ко мне приходят мистические сновидения. Мне снится пустой дом, срубленное дерево, старый пенёк и спокойная речка. Просыпаюсь всегда с одним и тем же горьким привкусом на губах.

«Раскусила», — проносится в голове.